

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА АЛТАЕ В 1916 ГОДУ

Опубликовано: Борьба классов. – 1936. - № 9. – С.36-44

Созданная советской властью на месте царской колонии на Алтае Ойротская автономная область до революции прошла труднейший путь борьбы против национально-колониального гнета царизма. Алтайская народность была одной из тех народностей, которые были обречены царизмом на вымирание.

Алтайские крестьяне-скотоводы (основная масса населения) при царизме испытывали тройной гнет: от собственных баев, использовавших родовые пережитки в целях эксплуатации своих сородичей; от русских торговцев и кулаков (переселенцев), оттеснявших алтайцев все дальше и выше в горы, на неудобные для скотоводства места; наконец, со стороны миссионеров, являвшихся активными проводниками царской политики русификации окраин. Политика царского правительства была направлена на консервирование старых отношений. Опираясь на байско-зайсаискую верхушку, царизму легче было удерживать в повиновении поработанных алтайцев. Задерживая развитие производительных сил, можно было выкачать из колонии ценное сырье — пушнину, лесные богатства.

Такое положение угнетенных масс алтайцев вызывало в них глубокое возмущение, не находившее, однако, на первых порах активного выражения и выливавшееся лишь в ожидание легендарного героя-освободителя — Ойрот-хана, Шуну, или Амыр-Саны.

Но уже к началу XX века невыносимый гнет вызывает со стороны трудящихся Алтая движения протеста.

Революция 1905 года нашла отражение и на окраинах царской России: угнетенные народности пришли в движение и поднялись на борьбу за освобождение из-под царского гнета. На Алтае эта борьба вылилась в широкое национально-освободительное движение, носившее ярко религиозную окраску, в так называемый бурханизм, или «белую веру».

Это движение было возглавлено нарождавшейся местной буржуазией с байством, почуявшими, что внедрение опасного конкурента — русского капитала — положит конец их неограниченной эксплуатации алтайцев-крестьян. Алтайские байы пытались использовать движение для того, чтобы направленную против них самих ненависть своих же батраков и «облагодетельствованных» сородичей — нищих алтайцев-кочевников — переключить на русских захватчиков.

В этой борьбе главными помощниками баев были ярлыки (служители культа бурханистов), которые не только внедряли новые ритуалы, обучали новым молитвам, но и вели неустанную пропаганду за изгнание с Алтая всех русских, в первую очередь миссионеров.

Самая форма движения, религиозная реформация, не вооружала массы, а отвлекала от непосредственных, практических задач борьбы в туманную даль мечтаний о прошлом золотом веке Ойротии, заставляя алтайцев все надежды на лучшую жизнь возлагать на скорый приход легендарного освободителя, который уведет алтайцев в свое прежнее царство.

Движение бурханистов на первом этапе (1905 — 1906 годы) было подавлено вооруженной силой, но оно не заглохло, а в «мирной» форме новой веры ушло вглубь, постепенно расширяясь по юго-западному (скотоводческому) Алтаю. Вожди движения, как только стало очевидным поражение, предпочли предательский союз с русскими угнетателями, но массы алтайцев, все более разоряемые, сохранили враждебное отношение к угнетателям.

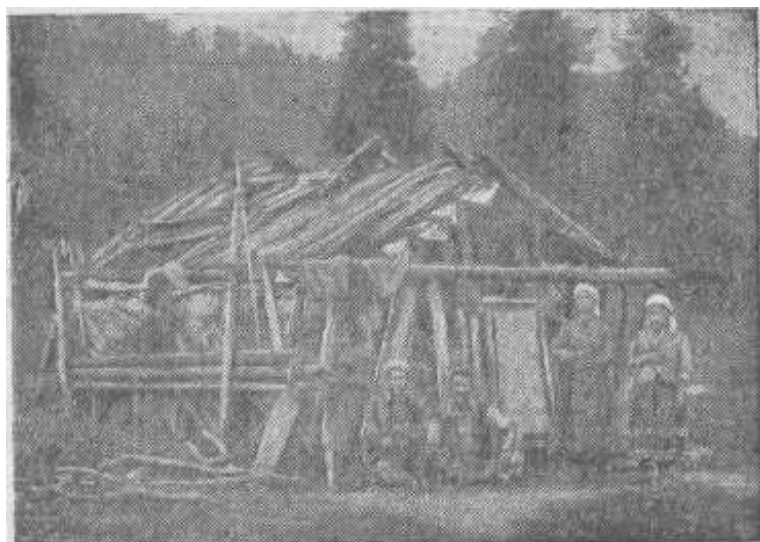
Вновь возродилось движение бурханистов уже в годы империалистической войны, когда царское правительство предприняло известную «реквизицию инородцев» (так оно называло мобилизацию) для тыловых работ. Во всех национальных окраинах царской России, где эта мера проводилась, массы ответили протестом (особенно, как известно, в бывшей Семиреченской области). И в Алтае, на подготовленной бурханистами почве, в 1916 году вновь поднялось движение, охватившее основные скотоводческие районы. Ненависть к угнетателям-руссификаторам обострилась, а вместе с тем крепки надежды бурханистов на приход легендарного Ойрот-хана, который должен освободить алтайцев от власти русских и увести их из земли ненавистного «белого царя». Русификаторская политика дала совершенно иные результаты чем те, на которые рассчитывало царское правительство: вместо внушаемой миссионерами «любви к отечеству» было внешнее равнодушие, под которым в глубине таилась ненависть к русским колонизаторам, к царю.

Империалистическая война и те цели, которые преследовала в ней русская буржуазия, были чужды и далеки не только массе алтайцев-скотоводов, но и алтайским баям. Вот что пишут об этом миссионеры:

«Отношение алтайских язычников к вопросам военного времени представляется нам безучастным, как будто война идет не в России, а где-нибудь за тридевять земель. Более чем успехом русского оружия на поле брани интересуются алтайские язычники вопросом: почему астраханский калмык «Далай-лама», выдавший себя за перерожденца Амыр-Саны (Ойрот-хана), сдиравший кожу с живых людей и заключенный нашим правительством после ареста в г. Кобдо, в Омский острог, как важный политический преступник, — почему он, способный совершать всякие чудеса, не сделается птицей, чтобы вылететь из ненавистной ему темницы и занять подобающее ему место среди будущих своих подданных?»¹

Ярлыки бурханистов не переставали подогревать мессианистские настроения алтайцев-кочевников все новыми вариантами легенд об Ойрот-хане или его посланцах, в то же время широко организуя общественные моления с песнопениями, открыто призывающими массу к национальному сплочению.

Усиленно подчеркивались запреты на все принесенное завоевателями: русскую одежду, материю, овощи, спички и т.п. Всему этому снова и снова противопоставлялись древнее изобилие природы Алтая и счастливая жизнь в далеком прошлом.

Бедняцкое жилище алтайцев. Дореволюционный период.

Фольклорные материалы также свидетельствуют о том, как резко обострилась на Алтае вражда к завоевателям: разнообразные песни (свадебные, игровые, частушки и др.) полны возмущения против исконных врагов алтайцев — русских завоевателей, угнетающих алтайскую массу.

Русские чиновники и миссионеры именно в эти годы особенно ясно увидели пропасть, отделяющую их от народа, более полутора столетия

назад «изъявившего желание присоединиться» к России.

¹ Отчет алтайской духовной миссии за 1915 год, стр. 54. Томск. 1916.

Здесь идет речь об известном Дамби-Джанцане: он действовал в Монголии как ожидаемый освободитель от угнетателей, с ним были связаны и у алтайцев надежды на освобождение от русских угнетателей.

В первые годы войны алтайские трудящиеся массы надеялись даже, что затяжка войны принесет им освобождение от невыносимого гнета. Миссионеры непрерывно жаловались на «недостаток патриотизма» у алтайцев, упорно не откликаясь на призывы к «пожертвованиям». Ретивая администрация, желая подчеркнуть свой патриотизм, преданность царю и отечеству и свое влияние в этом смысле на «инородцев», усиленно пытается продемонстрировать «верноподданнические чувства» алтайцев и показать, что и во «вверенном» им Алтае массы «охотно» жертвуют свое достояние для победы над врагами.

Стараясь возбудить дух соревнования среди алтайских баев, царские чиновники указывали им на то, что астраханские калмыки пожертвовали больше 25 тысяч рублей и 1500 лошадей, иркутские буряты и казанские татары тоже в долгу не остались и «засвидетельствовали желание успеха русскому оружию». Под влиянием таких настойчивых «намеков» зашевелились и алтайские баи.

В одном из отчетов алтайской миссии мы узнаем, что алтайцы пожертвовали 1000 рублей и 511 лошадей, причем автор отчета епископ Иннокентий делает совершенно правильные выводы, усматривая в таком «пожертвовании» простое желание откупиться от назойливых приставаний.

«Что это за жертва—511 лошадей со всего Алтая, — пишет он, — когда такие богачи, как Моткочаков Кара-кольский, Кытык Кайрыкский, Майжи и Аргымай Кеньгинские владеют сотнями конских табунов? Или, что за денежная помощь в 1000 рублей, когда разные прохадимцы-кегени, периодически появляющиеся в Алтае для эксплуатации невежества алтайских зайсанов, собирают с них, по народному заявлению, десятки тысяч рублей, не говоря уже о пожертвованиях скотом целыми табунами?»

«...И доколе алтайцы будут язычниками, их национальные симпатии всегда будут склоняться не к Москве или Петрограду, а к Пекину и Токио» как это показала минувшая японская война», — пишет начальник миссии, возмущенный безрезультатностью своих проповедей среди «язычников».

Разумеется, алтайские баи выбирали для «пожертвований» самых плохих лошадей, чтобы только отделаться от приставаний царских чиновников. Вот характерный документ:

«Калмыцких лошадей привели в Бийск 23 июня старшина Черно-Ануйской волости Семен Иванов, волостной судья той же волости Тоопит Эвекин, старшина Урскульской волости Сопок Поенкин и с ними 11 калмыков. Все лошади пожертвованы калмыками Бийского уезда. Лошади перевезены 8 Новониколаевск, осмотрены комиссией, которая нашла: из приведенных 211 лошадей одна пала, из остальных 34 лошади годны для службы в качестве обозных второго разряда или строевых казачьих общей стоимостью 904 рубля. Остальные 176 лошадей для службы в войсках непригодны, общая стоимость их 2151 рубль. Цены взяты местные, рыночные. Годные лошади будут зачислены в казачьи отделения конского запаса, негодные проданы с аукциона...»². Значительная часть этих лошадей была собрана баями у бедноты (об этом ниже).

«Верноподданнические» чувства алтайских баев ярко подтверждаются и фактом, происшедшим в Чуйской волости, где баи, как только услышали о «добровольном» пожертвовании лошадей, моментально стали угонять свои табуны через границу, тем самым показав отношение к «жертвам на алтарь отечества».

В 1916 году алтайцы, «сак и прочие «инородцы», были мобилизованы («реквизированы», выражаясь языком военных приказов) на тыловые работы. Приказ о мобилизации поразил алтайцев своей неожиданностью. Дело в том, что среди алтайцев была уверенность, что война их не касается, так как легендарный Шуму (Ойрот-хан) заключил с «белым царем» договор: алтайцев и кузнецких телеутов не брать в солдаты, а подати с «их брать, как и раньше, - пушниной и т. п. В действительности же эта мобилизация являлась нарушением со стороны царизма заключенных им же договоров с алтайцами, казаками и

² ЛОЦИА, дело № 93, по 8-му делопроизводству земского отдела министерства внутренних дел.

другими угнетенными народами в период их официального «присоединения» к России об освобождении их от воинской повинности. Мобилизация была одним из моментов, усиливших движение бурханистов³.

В Кенге и в Усть-Кане—основных центрах бурханизма — состоялись многолюдные собрания с участием приехавших из других урочищ агитаторов. Они проводили мысль о сопротивлении мобилизации всеми способами. Под влиянием такой агитации многие рубили себе пальцы на правой руке и причиняли себе, иные увечья.

Знаменательно, что в это время были случаи агитации и против байства. В ряде мест батраки призывали своих товарищей бросать работу у бая, и этот призыв не оставался безответным. Батрацкая молодежь бросала работу, разъезжалась на байских лошадях в гости по соседним урочищам, гнала араку (водка) из байского чечете, резала байских баранов для угощения своих родственников. Все это было неслыханной, небывалой раньше вещью. Тщетно баи ссылались на исконный закон, который предписывал батракам подчиняться родовичам и баям.

До назначенного срока явки мобилизованных на сборный пункт оставались считанные дни, и волнение по урочищам все нарастало.

Старики (отцы мобилизованных) также стали вместе собираться и делиться своими сомнениями:

«Как быть, старики? Вот из Уймона угнали русских солдат из 16 деревень; мы, сами их возили на подводах. Этих людей уж два года мы не видели обратно... Когда этому конец будет? Русский царь нисколько народа не жалеет... С царем, видимо, плохо, раз он и нас теперь стал мобилизовать, наверно, у него сил уж нет...»

Однажды собравшиеся у одного бая-бурханиста старики закричали:

«Нет! Надо протестовать! Наша литовка острее их шашек, будем бороться с ними! Если суждено умереть нашим детям, то лучше свои тела пусть оставят в родном Алтае чем в Германии!»

Так созревала идея восстания.

Среди мобилизованных раздавались не только речи о нежелании идти на войну: в своем кругу некоторые высказывали затаенные мысли многих: лучше пойти воевать против русского царя, чем помотать ему...

Один из руководителей движения, Адьегор Булев, ярый бурханист, проводил такую агитацию: «Начнем борьбу против русских, не устоим — перейдем в Кузнецкую чернь⁴, а оттуда — в Урянхай, раз Монголия нас не хочет поддержать».

Незадолго до этого случая выступили и мобилизованные, в пограничном пункте Кош-Агаче. Они пытались убежать в Монголию, но были возвращены в Россию. Чтобы избежать наказания, по совету попа Токпешева (из алтайцев), все они немедленно крестились. Крещение мало помогло: их «простили», но на тыловые работы все-таки забрали. В Монголию в качестве представителя бурханистов ездил Амыр Тогочеев, который горячо

³ Факты, приведенные в этом разделе, собраны нами в Ойротии во время этнографической экспедиции 1934—1935 гг. Особенно важные подробности сообщены тов. Челикеем Апоятовым, активным участником описываемых событий в Усть-Канском аймаке.

⁴ Чернью называются северные лесные районы Алтая.

Заклинания шамана. Алтай.

Дореволюционный период

доказывал там, что весь Алтай накануне восстания, и просил поддержки. Но его убедили, что без оружия нецелесообразно выступать, так как русские без труда разгромят восставших. Тогда мобилизованные стали собирать охотничьи ружья и прятать их все в одно место «до подходящего случая», наиболее же горячие требовали поголовного вооружения мужчин начиная с 12 лет, ружьями и ножами. Очень важно отметить роль ярлыков в этот период. С самого возникновения бурханизма ярлыки были активными проводниками байской идеологии. Некоторые мобилизованные под влиянием их агитации верили, что через навязанную войну они, в конце концов, придут в обещанное царство Ойрот-хана. В результате этой веры была создана народная песня:

«В кровавую войну идем –
К Галдану-царю⁵ дойдем!
Насильно в войну втянуты –
К старинному царю придем!»
(Усть-Канский аймак) -

Перед отправкой мобилизованных в Ябагане, близ Усть-Кана, - ярлыками было устроено грандиозное моление с числом участников в несколько тысяч человек.

Они до этого проводили частые моления среди мобилизованных, возя с собой в переметных сумах вереск и устраивая жертвенные возжигания. Подобные же массовые моления проводили в Онгудайском аймаке ярлыки: Тырый Агаичи, Барнаул Мондаев, Адун Мондаев и др. Моления организовали и баи, например Мышалак Бабанов, в урочищах Каракольской долины: в Сары-Кобы, Бичикту-Бом, Торго Се-терлю, Текпенек и др.

В назначенный день явки на сборный пункт мобилизованные стягивались к урочищу Кайырлык. Из Усть-Кана ехало 220 человек в сопровождении большой толпы плачущих

⁵ Одно из имен ожидаемого Ойрот-хана

родственников. Дорогой брызгали молоко⁶ (чтобы постоянно было под рукой свежее молоко, позади шали табун кобылиц), а на перевале Тулайты устроили в последний раз моление. Ярлыки взывали к духу Алтая, прося защиты:

«Гористый наш Алтай!
Как отец ты нас кормил,
Как мать грудью питал!
Из рук русского начальства
Выручай нас!»

Из других волостей было тоже по 200—300 человек, всего собралось в урочище Кайырлык (близ Кеньги) больше 1000 человек. Все были настроены против мобилизации и против русского начальства. Мобилизованные из Усть-Кана и Уймона образовали ядро, вскоре к ним присоединились онгудайцы. Были выделены энергичные главари: с Уймона— Чу-как, из Усть-Кана—Кымый, из Онгудая—Санай, с ним еще 5—6 человек. Они разъезжали в толпе среди мобилизованных и все время вели агитацию: «Мы должны выступить как один, нас больше 1000 человек, не будем отступать, бояться русских нечего», Волостной старшина, известный бай Сапог Кульджин, и с ним несколько русских начальников, подъехав к толпе, пытались ее уговорить, но, не добившись ничего, повернули обратно. Все же человек 300 (обрусевших алтайцев 250 человек и 50 казахов из Черного Ануя) поддались уговорам и запугиваниям и на другой день явились «а сборный пункт. Остальные еще два дня не трогались с места. Оружия у них не было, но «на всякий случай» они наполнили камнями арчамаки (переметные сумы) и отправились все к Кеньге, где остановились в трех километрах от двухэтажного дома богача Аргымая Кульджина.

Им навстречу выехал Мамаев Сур-тай, крещеный алтаец, посланный ранее ими же самими на разведку, и сказал: «Вы зря бунтуете против белого царя. Если сейчас же не явитесь в комиссию, будете жестоко наказаны». На него посыпался град ругательств: «Ты собака, поповский агент, продажная душа! Языком перед нами не вилай! Тебя послали мы выяснить положение, а ты сам переметнулся на их сторону!» Израненный камнями, Мамаев Суртай едва успел скрыться. Вслед за ним на тройке приехало начальство с миссионером Серебрениковым. Стали говорить, а волостной старшина бай Сапог переводил: «Царский закон — строгий закон. Вы зря бунтуете, зря время тратите! Приказ царя никто не имеет права нарушать!» и т. п. Мобилизованные же в это время потихоньку готовились, доставая из-за пазухи и из переметных сумками. Начальство стало проводить голосование: «Кто в комиссию желает, поднимите руки». Никто не поднял. В толпе пронесся шум. Мобилизованные стали напирать лошадьми на начальство.

«Кто не хочет?» — сразу все подняли руки и закричали: «Не пойдем, не пойдем!»

Снова поднялся шум, мобилизованные набросились на воинского начальника, тот выстрелил из револьвера в воздух, лошади его понесли, повозка опрокинулась. Все лавиной бросились за начальником, но он успел добежать до дома Аргымая, где и спрятался вместе с другими членами комиссии и баями. Алтайцы подъехали к дому и хотели его разгромить. Но время было упущено: пока они привязывали лошадей к ограде, полиций успела уже окружить дом. Один из урядников тем временем рубил шашкой поводья и разгонял лошадей. Алтайцы бросились за лошадьми, другие с камнями в руках стояли, ожидая выхода из дома начальства.

Бай с сыном. Алтай.

⁶ Бурханисты вместо прежних кровавых жертвоприношений и крапление молоком и возжигание вереска.

После долгого и безрезультатного ожидания все разъехались по домам. Так была сорвана мобилизация.

Через месяц в Усть-Кан приехал отряд в 60 солдат и мобилизованных силой оружия, без всяких «комиссий», угнали в Бийск.

Одинаково была встречена мобилизация и на правом берегу Катуня, т.е.

Выборы старшины на Алтае с участием русской полиции.

**Дореволюционный период
Музей народов СССР.**

в районах с шаманистским населением, где особенно интенсивно действовали миссионеры, куда бурханизм не достигал даже в самый его расцвет. Но здесь активное сопротивление мобилизованных было парализовано в самом начале совместными усилиями миссионеров и полиции. Так, в Чемальском районе, где большинство алтайцев было крещеных, вместе с членами воинской комиссии действовали также епископ Макарий и миссионер Бобрак (алтаец). В лесных и степных районах (Кузнецкий район) «инородцы» — бачатские телеуты—также были взяты на тыловые работы, и в их среде было такое же сопротивление мобилизации. Здесь ярлыки внушали мысль о наказании, которое должно постигнуть русского царя за нарушение старинного договора. Уверенность в скором приходе Ойрот-освободителя была так сильна, что многие телеуты распродала имущество и сидели дома, ничего не делая, ожидая, что Шуну (Ойрот) придет и уведет их в свое древнее царство.

Когда мобилизованных телеутов из села Бачат привезли на станцию Новониколаевск, то некоторым удалось бежать из-под конвоя и вернуться домой. Другие бежали уже в пути.

В первый же день, получив на 6 суток казенный паек хлеба, мобилизованные в знак протеста весь его выбросили из вагона, а офицеров с бранью прогоняли от себя. Ненависть мобилизованных к офицерам была так велика, что во время тыловых работ офицеры даже избегали мобилизованных, предпочитая сноситься с ними через сотников и переводчиков.

Хотя на стороне борющихся против мобилизации были и отдельные баи (например Бедешев, Ялбак и др.), но большинство из них действовало вместе с русским начальством,

чтобы «привести в сознание» и успокоить мобилизованных. За это они ожидали улучшения участи мобилизованных байских сыновей. Крупные баи щедро раздавали взятки, и в результате сыновья таких богатеев, как Борозду Юстиков, Ойтон Кыйтыков, Карман Агрымаев, Тимжай Сапог и др., остались дома.

Здесь выясняется и подоплека «пожертвования» лошадей, о котором речь была выше. После описанных событий у Кеньгинского озера баи Аргымай, Кыйтык, Сапог, Топыт, Эбекин и др. стали собирать лошадей для армии. Лошади были собраны в большинстве с бедноты: у кого не было лошадей, с тех брали деньгами. Проводившие сбор «разъясняли», что пожертвовавшие добровольно не будут мобилизованы. Это, понятно, действовало, и лошади (500 с лишком голов) были собраны. Некоторые давали по 2 и по 3 лошади. Но ничего не помогало, и те, кто жертвовал, были взяты наравне с остальными, дома остались только сыновья баев. Сами же баи за оказанную им помощь в деле мобилизации получили награду: медали и золотые часы. Беднота начала роптать, недовольство собственными баями возрастало.

Мобилизованные были использованы в разных городах и на крупных железнодорожных станциях в качестве чернорабочих. Приведем красочное описание их положения, сделанное бывшим переводчиком, алтайцем К. Танашевым:

«...Начали проводиться комиссии по волостям, брали безо всякого осмотра, только слава была, что комиссия, ничего не было отменного от ареста. Держали очень крепко взятых алтайцев, не давали свидания со своими родственниками, ходили как арестованные, с конвоем. Были взяты солдаты для конвоя. Сопровождались алтайцы конвоем вплоть до разбивочного пункта, до г. Гомеля, Могилевской губернии. Я был в 253-й инородческой рабочей партии; нас держали в Гомеле больше месяца. В одном бараке (было) более 3 тысяч человек. Барак был очень тесный, грязный, набито было битком, от этого получилась болезнь тиф. Выбыло из нашей партии 218 человек в больницу. Потом разбили партию на 2 части: часть пошла на станцию Злодень, Могилевской губернии, а часть пошла на станцию Бахмач, Черниговской губернии. Сделали из нашей партии 5 частей, части называли сотнями, назначили сотников, десятников. К каждому десятнику прикрепили 2 солдат для конвоя (и) гонять на работы. Сотники были подобраны из богатых алтайцев и из киргизов, которые гоняли дубинкой рабочих с утра до поздней ночи, не разбираясь с больными. Помирили некоторые алтайцы прямо на работе. Мне один раз пришлось видеть одного умирающего алтайца. У нас был земляной барак, мой десяток был помещен напротив ихнего десятка. В один день была очень скверная погода, был буран. Умерший алтаец был мне знаком — Содыкин Биянты. Когда он был болен, утром его стали выгонять «а работу», сотник был из киргизов — Угрюмое Миколай. Он его утром бил: «Ты не болеешь, а тебе лень. Вот как ты заелся, что маска у тебя даже лопнуть хочет». У него лицо было распухшее, но все-таки он был выгнан на работу. Вечером кое-как дошел до барака и на утро был покоен: как сидел в проходе на кукурках, так и помер. Утром погода была еще хуже вчерашней. Утром рано начали выгонять на работу. Рабочие начали протестовать. Сотник доложил прапорщику Кравцову. Кравцов пришел с фельдфебелем и 6 человек солдат привел с собой, начали выгонять на работу. Мы не пошли, а нас все же выгнали. Когда прапорщик подошел к сидевшему на кукурках Содыкину, сотник сказал: «Вот этот лентяй всегда притворяется больным». Прапорщик подошел, пнул его ногой и ударил по загорбку. Фонарь горел очень тускло, в бараке было темно, они его, по-видимому, считали живым. Я подошел к нему, взял его за руку, рука у него лежала на коленке. Когда взял за руку, рука у него была очень холодная. Я закричал прапорщику: «Ваше благородие! Вы считали его лентяем, он, правда, лентяй, ему стало лень жить и работать на этом свете, так он вздумал уйти на тот свет. Вы все будете на том свете, сволочи!» Я тут, плохо помню, в сердцах ругал всех своих повелителей. После этого через 3 дня нас отобрали 50 человек как бунтовщиков и отправили нагружать паровозы углем на станцию Сновск».

К этому описанию нам остается добавить только некоторые штрихи.

Сотники (начальники сотни) выбирались преимущественно из баев или из крещеных.

Так, в той же, 253-й партии сотником 1-й сотни был сын бая Бузуртка (из Арбайты), 2-й сотни — богатый казах Угрюмов (из Тю-дралы), сам же К. Танашев (б. ярлык) был у сотника главным помощником и переводчиком у начальства; в 24-й партии сотником был Семен Бадин, крепкий середняк (крещеный), затем, Чевалков Михаил (крещеный), Семен Сапин (крещеный, из Ороктоя), середняк, и др. Все они в отличие от массы были одеты в особую форму и жили в значительно лучших условиях. Следует отметить, что эти верхи мобилизованных, будучи более развитыми и грамотными, писали на родину письма от себя и по просьбе других (таковы К. Танашев, Калбан Чинатов, Угрюмов и др.) и из этого они извлекали выгоды. По словам К. Чинатова, сами они почти не работали, так как их сделный «урок» выполняли за них неграмотные просители. В своих письмах эти последние описывали издевательства над ними и тяжелые условия своей жизни и работы. На родине эти письма производили сильнейшее впечатление и, естественно, сильно обостряли ненависть против русского правительства.

Эти письма были также использованы ярлыками бурханистов.

Родители мобилизованных, беспокоясь о судьбе своих сыновей, постоянно осаждали ярлыков просьбами отслужить моление об улучшении их положения; это давало ярлыкам возможность закрепить свое влияние, особенно среди бедняцкой части населения.

Мобилизация довела широкие массы алтайцев до открытых выступлений. Тыловые работы сыграли определенную роль в деле дальнейшего пробуждения классового самосознания алтайцев — батраков и бедняков.

Бедняки резче ощутили разницу в положении их и байских сыновей во время тыловых работ. Байские сыновья вошли в самое тесное соприкосновение с угнетателями алтайцев — слугами самодержавия. Хотя в письмах с родины алтайцы-бедняки получали националистическую зарядку от своих баев и ярлыков, восстанавливавших их против русских, но ежедневное наблюдение, как сотники — байские сынки, ничего не делая, пьянствовали и только покрикивали на них, было гораздо сильнее получаемых в письмах наставлений. И несомненно, что эта «наглядные уроки» сильно обострили классовую ненависть не только к русским угнетателям, но и к своим собственным.

Вернувшись по домам, мобилизованные батраки и беднота иными глазами уж стали смотреть на своих родовичей и баев.

Классовое расслоение особенно ярко выявилось уже впоследствии, в период гражданской войны, когда беднота, освобождаясь из-под влияния баев и ярлыков, стала переходить в красные партизанские отряды.

Протест против мобилизации и уклонение от участия в войне делают это движение прогрессивным явлением. В среде угнетенных алтайцев война обострила противоречия между баями и батрацко-бедняцкими массами и подняла волну национально-освободительного движения.

Движение против мобилизации и уклонение от участия в войне уже переросли рамки бурханизма. Если в первый период (1904 — 1905 годы) протест против колонизации выливался преимущественно в форму демонстративного отказа от старого шаманизма и пропаганды новой, «белой» веры, то теперь массовые моления были настоящими политическими собраниями. Движение разлилось далеко за пределы распространения бурханизма: против мобилизации протестовали и шаманисты, и крещеные алтайцы, и другие племена Алтая и Минусинского края.

Таким образом, в период войны 1914 — 1917 годов несмотря на сохранение бурханизма в его максимальных границах, подъем национально-освободительного движения в других районах и растущая ненависть к классовому врагу, безусловно, изменили самую форму движения. Трудящиеся алтайцы переходят от «белой» веры с молениями и проповедями ярлыков к открытым формам сопротивления войне, до попыток поголовного вооружения против русских захватчиков.